

11.07.2017, 20:35 Москва

свой опыт

«А вдруг она побежит»: 10 суток за протест 26 марта

Софья Кузьмина, активистка инициативы в защиту парка «Торфянка», рассказала ОВД-Инфо, как получила и провела 10 суток за участие в протесте 26 марта на Тверской. Как ее допрашивали в полночь, угрожая уголовной ответственностью, перевозили в наручниках, будто уголовницу, а в спецприемник ее сокамерница, больная гепатитом С, пронесла наркотики во влагалище.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

На антикоррупционном митинге 26 марта 2017 года, организованном Алексеем Навальным, присутствовали несколько человек с «Торфянки», в том числе я, поскольку считаю, что проблема застройки парков стала столь обширна именно благодаря коррупции. Так и было написано на моем плакате, который я раскрыла напротив Пушкинской площади. Простоять с ним я смогла примерно полчаса.

В 15:00 к нашей стороне улицы подъехал автозак. Группа полицейских в касках двинулась сквозь толпу ко мне. Поскольку я стояла достаточно высоко, взять меня за плечо и увести не представлялось возможным, поэтому полицейский схватил меня за ногу и начал дергать. Быть уроненной на спину после рывка мне не хотелось, поэтому я спрыгнула и первой зашла в автозак, не сопротивляясь.

Я не знаю точно, что происходило в тот момент на Пушкинской площади, но, думаю, на нашей стороне улицы меня задержали первой, так как вокруг людей с плакатами я не видела.

Автозак начал быстро наполняться задержанными. Людей заталкивали очень грубо, как будто нарочно пытались ударить кого-нибудь головой о клетку.

Одного из задержанных уронили на пол, закрыв дверь вместе с капюшоном. Позволили освободиться только после неоднократных требований с нашей стороны.

Какого-то велосипедиста полицаи пытались затолкнуть в автозак без его велосипеда. Вот так просто — выбросить велосипед, затолкнуть человека. Получилось как в сказке — пытаюсь выбросить, полицейские вцепились в велосипед, парень вцепился в велосипед, чтобы его сохранить, а ребята из нашего автозаказа вцепились в парня, чтобы зашел либо он со своей собственностью, либо никто. Наши победили — велосипед выбросили вместе с хозяином.

Всего в автозаке оказалось около 18–20 задержанных, примерно половине пришлось стоять в течение всего времени. Среди задержанных также была журналистка «Открытой России» Софико Арифджанова. Были и несовершеннолетние.

Мы простояли в районе Пушкинской площади около полутора часов — куда повезут, конечно, не сообщали, на просьбы отвести в туалет не реагировали.

К 17:00, через два часа после задержания, нас доставили в ОВД «Строгино», посадили в большой зал, собрали паспорта.

Около 15 полицейских начали заниматься написанием рапортов, другие требовали каких-то письменных объяснений от нас. Некоторые задержанные начали сразу писать объяснительные, некоторые находились в растерянности.

Примерно в 17:30 мне позвонил участник «Движения 14%» Сергей Ожич, сообщил, что он вместе с еще одной участницей Верой Макаровой направляется в наш ОВД для оказания юридической помощи.

После этого я попросила полицейских предоставить мне лист бумаги для ходатайства о допуске защитников — мою просьбу проигнорировали, но вслух я сообщила, что защитники к нам направляются.

После на нас начали давить, требовать написания объяснительных. Несколько человек собрались вокруг меня, спрашивали совета. Я сообщила, что писать ничего не буду, поскольку обязанность изложить обстоятельства лежит на задерживающих, а не на задержанных.

Некоторые последовали моему совету. Один из полицейских потребовал, чтобы мы, отказавшиеся писать объяснительные, пересели в дальний конец зала — искал способ хоть как-то наказать, очевидно. Никто не двинулся и после нескольких настойчивых попыток он сдался.

Напряжение нарастало, я чувствовала ответственность за тех, кому советовала «не сотрудничать со следствием». Наконец прибыли Сергей и Вера, привезли воду. Это очень помогло психологически и мне, и остальным.

Тем временем с момента задержания прошли те самые три часа для получения протокола — на эту норму, разумеется, все в ОВД «Строгино» наплевали, как и везде в тот день по Москве.

Примерно к 20:00 начали появляться первые протоколы. Они были все одинаковы слово в слово — всем помимо прочего приписали выход на проезжую часть, создание помех транспорту. У всех — статья 20.2 часть 6.1.

Также полицейские сообщили, что всем, кто желает освободиться, необходимо сфотографироваться и пройти дактилоскопию. Возражение о том, что это требование незаконно, не возымело эффекта.

Постепенно задержанные освобождались, а до полицейских рук дошел мой паспорт.

Очень довольные, они заявили мне: «Кузьмина, у вас уже было правонарушение в сентябре, поэтому получите 8 часть» (повторное нарушение правил проведения публичных мероприятий — *ОВД-Инфо*). Я возразила, что

они не вправе заявлять такое, поскольку обжалованное решение Тверского суда еще не вступило в силу, так как я ждала слушания в Мосгорсуде через два дня. Несмотря на это, мне сообщили, что я буду задержана до суда.

Пока я пыталась как-то свыкнуться с мыслью, что останусь ночевать в клетке в этом отвратительном месте, стало известно о том, что по факту травмы одного из полицейских на митинге возбуждено уголовное дело, в наш ОВД направляется следователь и все оставшиеся на тот момент задержанные, около восьми человек, будут допрошены.

Сергей и Вера, которые все это время находились с нами, сказали, что не смогут помочь и присутствовать на допросе, напомнили про 51 статью Конституции (дающую право не свидетельствовать против себя — *ОВД-Инфо*).

0:00 27 марта, 9 часов с момента задержания — меня приглашают на допрос, несмотря на то, что по закону допросы можно проводить только до 23:00 (я вспомнила об этом позже, к сожалению).

Я отказываюсь давать показания, ссылаясь на 51 статью.

Следователь заявляет, что права отказаться у меня нет и я понесу уголовную ответственность за отказ от дачи показаний, пригласил понятых. Это оказалось инсценировкой для запугивания меня.

Я говорю ему, что сейчас нахожусь в состоянии стресса, хочу спать — он говорит, что это не основание для отказа.

Я говорю, что хотела бы получить заблаговременное уведомление о вызове на допрос — он говорит, что имеет право допросить меня и без уведомления.

Я говорю, что не буду говорить без своего защитника — он спрашивает, сможет ли мой защитник прибыть за пять

минут. На мой отрицательный ответ сообщает, что ждать защитника не намерен.

В тот момент я действительно была очень уставшей и на нервах, поэтому ответила на интересующие его вопросы, поскольку они были достаточно поверхностными и не имели ко мне прямого отношения. Протокол допроса я подписала, копию мне следователь не выдал.

После этого один из полицейских зачитал мне протокол о правонарушении, при этом зачем-то снимая меня на телефон. Подписывая протокол, я написала, что не согласна с предъявленным обвинением, и попросила уведомить моего защитника о предстоящем судебном заседании (этого, разумеется, никто не сделал).

В плане условий содержания жаловаться не на что, во всяком случае, в сравнении с тем, как проводили ночи в ОВД задержанные 12 июня. Я получила все, что нужно для нормального сна, хотя посреди ночи меня зачем-то разбудили, посветив фонариком в лицо, чтобы спросить, не замужем ли я.

На следующий день, 27 марта примерно в 15:00 меня вывели из камеры для доставления в суд.

Вернули шнуры, телефон. В машине я связалась со своим защитником — выяснилось, что ему, конечно, никто не звонил.

Защитник чудом успел на мой суд.

По несчастливой случайности я попала все к той же судье Ореховой (судья Тверского районного суда Москвы Алеся Орехова, неоднократно рассматривала административные дела против оппозиционеров — *ОВД-Инфо*).

Она выслушала доводы защиты, что вменять мне 8 часть (повторное нарушение) некорректно, после чего

подтвердила это, получив факс из Московского городского суда о предстоящем судебном заседании.

Я очень надеялась на освобождение, но у судьи были другие планы на меня.

Она переквалифицировала мое обвинение с 8 части (повторное нарушение) на часть 6.1 (нарушение с выходом на проезжую часть) и назначила наказание в виде 10 суток ареста.

Судья также сообщила полицейским, что на них возложена обязанность конвоировать меня в Московский городской суд на следующий день, 28 марта.

Сразу после этого полицейские на надевают на меня наручники.

На возражение защиты о том, что к арестованным по административной статье запрещено применять спецсредства, полицейские ответили: «Вдруг она побежит!»

В наручниках меня везли обратно в ОВД. Там дактилоскопировали. Снова в наручниках везли уже в спецприемник на улице Мневники, где в тот момент уже сидел Навальный. Внутри освободили. Еще раз дактилоскопировали. Изъяли шнурки, мобильный телефон, осмотрели вещи, вскрыли все пачки печенья, все бутылки с водой.

Худой врач спецприемника, напоминающий доктора Менгеле, с улыбкой спросил, не страдаю ли я какими-нибудь смертельными заболеваниями.

Отвели в ужасно прокуренную камеру. Сотруднику спецприемника я сообщила, что мне нужна камера для некурящих. Он ответил, что таких камер у них нет, и вообще — это единственная женская камера.

На следующий день четыре сотрудника полиции ОВД «Строгино» меня конвоировали в суд, определять мою вину по **делу 17 сентября**.

Судья Мосгорсуда Селиверстова удовлетворила ходатайство о приобщении видеозаписи моего задержания, а также ходатайство о допросе свидетелей. Сотрудники полиции пытались оправдать несоответствие своих слов происходящему на видео. Оболгали меня, сказав, что со мной пикетировал второй участник, который внезапно скрылся на глазах у полиции, не попав на видеозапись. Обычное дело, в общем.

В итоге судья отменила постановления судьи Ореховой за отсутствием доказательств моей вины.

Это было довольно неожиданно для всех.

Случись суд на несколько дней раньше, я бы не провела ночь в отделении полиции и, возможно, не была бы арестована.

В здании суда я рассказала своему защитнику об условиях содержания, в частности о том, что я нахожусь в камере для курящих. Он предложил мне написать жалобу на имя начальника спецприемника, поскольку это «нарушение моих прав и создает пыточные условия».

Меня вернули в спецприемник. Вечером того же дня, 28 марта, в камеру, где находилась я и еще одна женщина, завели новую арестантку. Это оказалась молодая женщина, наркоманка, арестованная за хранение наркотиков. Назовем ее Е.

Удивительно, что при оформлении в спецприемник меня и мои предметы обыскивали гораздо тщательнее, чем женщину, употребляющую и хранившую дома наркотики. Так вот, оказалось, что Е. пронесла в камеру шприц и достаточно большое количество наркотиков у себя во влагалище. Вместе с другой моей сокамерницей они

начали колотья, ходили с перевязанными руками прямо перед камерой наблюдения, висевшей в нашей камере.

Кстати, позже моя первая сокамерница освободилась и заодно украла большую часть препаратов у Е. Такая вот драма и тюремная дружба.

Утром 29 марта я отправилась к начальнику спецприемника, сообщила ему, что хочу написать жалобу в связи с содержанием в камере для курящих. Он это воспринял достаточно агрессивно, заявил, что у меня нет прав на такие «особые» условия, но жалобу принял и подписал.

В этот же день в Мосгорсуде должна была рассматриваться моя апелляция по поводу 26 марта.

Меня повез в суд конвой во главе с полицаем, который больше остальных нервировал нас в ОВД «Строгино» и во время моего ночного пребывания там позволял себе насилие, мат и ужасные оскорбления по отношению к другим задержанным.

В здании суда я рассказала своему защитнику о новых подробностях моего содержания.

Помимо всего прочего, оставшаяся со мной наедине Е. поведала мне, что она больна гепатитом С, о чем она сообщила сразу же при попадании в спецприемник. Об этом мы также решили подать жалобу, поскольку арестованные, имеющие такие опасные заболевания, должны содержаться отдельно от других арестованных (в соответствии с приказом МВД).

На этот раз вновь судившая меня судья Селиверстова также допросила свидетелей, посмотрела видеозапись задержания. Уже здесь всплыли несоответствия в словах полицейских, протоколах и действительности.

Мой защитник просил хотя бы смягчить наказание, поскольку это было первое мое правонарушение и на тот момент я уже трое суток находилась под арестом.

Судья надолго удалилась и решила, что Тверской суд осудил и арестовал меня правильно.

Вероятно, она консультировалась с кем-то по поводу того, какое решение спущено сверху...

После оглашения постановления я разнервничалась, в результате чего случился конфликт с сотрудниками полиции, поскольку они не позволили мне взять с собой расческу, переданную мне мужем в суде. При передаче в спецприемнике ее почему-то не приняли (хотя такую же позволили иметь Е., пронесла в руках на этот раз) и он привез ее с собой в суд, чтобы вновь не стоять два часа в очереди на передачу.

Полицай из ОВД «Строгино» был очень доволен тем, что смог меня обломать.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки перед тем, как вновь оказаться с ним наедине для конвоирования назад в клетку.

В качестве ответной меры на мою первую жалобу начальник спецприемника приказал перевести меня в изолятор. Первую ночь там я провела при полной иллюминации — в камере не выключали свет, несмотря на мой стук.

Это мой изолятор попал на фото. И мужчина тоже до сих пор работает

Единственное общение, которое мне доставалось, это 15 минут в день по телефону и по 10 минут во время завтрака, обеда и ужина с Е. Вообще мне было ее жаль — красивая молодая женщина, плотно попавшая в зависимость от своего образа жизни. Без наркотиков,

привезенных ею «с воли», она выглядела все хуже и хуже с каждым разом, когда я ее видела, и вечером 30 марта Е. отправили в другой спецприемник.

Я ощутила нехватку Е., так как на безрыбье она была достаточно желанным собеседником.

Так я осталась единственной женщиной в спецприемнике.

Мне оставалось еще провести шесть дней в одиночке.

Я много читала — неплохо заходили рассказы Джека Лондона, «Записки юного врача» Булгакова, романы Набокова, Ремарка, Гете. Дальше пошли в ход научные издания о светскости государства. Когда книги заканчивались, я готова была начать читать упаковки от влажных салфеток.

Один раз я виделась в холле с Алексеем Навальным. Он спросил: «Ты с митинга, что ли?» — и мрачно покачал головой, когда я ответила утвердительно. После этого мне пришла в голову идея написать ему письмо с вопросами как кандидату в президенты. Сначала я потратила какое-то время на написание вопросов — я спрашивала про бутерброд, национализм, права человека и многое другое, около 30 вопросов получилось.

На следующий день я переписывала их на чистые листы тетради, 13 листов.

Это было достаточно увлекательно, как и все, что помогает интересно провести время в одиночке.

Я искала способ передать вопросы так, чтобы они не сгнули в руках у начальника спецприемника.

Гарантированного способа сделать это не было. В итоге я передала письмо через волонтера, работающего на кухне, и он мне божился, что все сделано. Почему-то я ему верю, несмотря на то, что Алексей мне не ответил, увы.

Впрочем, сейчас, после двух крупных митингов и их последствий, я думаю, что это вполне в духе Алексея.

В конце концов, молчание красноречивее ответа, поскольку один президент, не ведущий диалог, у нас уже есть.

Помимо чтения, я занималась спортом, насколько это было возможно в камере.

Пыталась писать стихи, рисовать. Безуспешно. А больше ничего.

На прогулки я не ходила — поскольку я была единственной арестованной женского пола в спецприемнике, мне казалось, моя прогулка вызовет нездоровое внимание со стороны других арестантов.

Проверить это не удалось, так как вышла погулять я лишь однажды, поздно вечером перед освобождением, и меня никто не заметил.

Освободили меня 5 апреля в 17:10. Срок ареста принято считать с момента задержания и если бы полицейские не записали время доставления в ОВД вместо времени задержания, то я бы вышла на пару часов раньше.

Жалобу по поводу содержания в одной камере с больной женщиной я подала только перед выходом, так как опасалась, что из-за новой жалобы мое пребывание в спецприемнике ухудшилось бы.

Ответ пришел именно по ней.

Как видно, весь упор в ответе сделан на способ передачи гепатита С как невероятный в условиях спецприемника.

Интересно, что бы сказал Д. В. Сухов, если бы Е. ткнула меня своим гепатитным шприцем?

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Акции против коррупции в правительстве РФ: «Он нам не Димон»

По всей России 26 марта прошли митинги против коррупции в правительстве, чтобы получить ответы на вопросы, заданные в фильме-расследовании. В согласовании митингов отказывали.

29 354

Ещё почитать

06.03.2026 Москва

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело